

Елена Чумакова

16+

повесть
рассказы

**ОСТРЫЕ
УГЛЫ
ТРЕУГОЛЬНИКА**

Елена Чумакова

Острые углы треугольника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66198376

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93223-4

Аннотация

В этой книге собраны истории из реальной жизни. А жизнь, как известно, самый непредсказуемый и затейливый автор. Часто случается, что в отношениях двоих появляется кто-то третий. Ситуация, знакомая очень многим, и каждый мучительно ищет свое решение. Острые углы любовного треугольника опасны, ранят всех его участников.

Отношения людей так многогранны! Здесь и дружба, и любовь, и проблемы взросления, и взаимоотношения с приемными детьми, и подведение итогов в конце пути, и мир людей глазами кошки. Истории забавные и печальные, пестрые, как сама наша жизнь.

Кроме полюбившейся читателям повести «Острые углы треугольника», в сборник вошли рассказы из ранее опубликованных книг «Сердце в погонах» и «Обострение памяти», а также новые рассказы.

Содержание

Острые углы треугольника	4
Пусть я с Вами совсем не знаком...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Чумакова

Острые углы треугольника

Острые углы треугольника

Повесть

Авиалайнер, выполняющий рейс Москва-Иркутск, заходил на посадку. Был тот магический предвечерний час, когда все в природе меняется на глазах. Цвет неба становится все насыщенней, переходя от темно-голубого на востоке через бирюзовый к розовому на западе. Солнечный диск, склоняясь к горизонту, словно растет, приобретая красноватый оттенок и подкрашивая тревожным отсветом бескрайнее белое покрывало облаков внизу. Казалось, что самолет летит над Арктикой. Но вот он нырнул в облака, за иллюминатором понеслись белые, затем все более темные клочья тумана. Наконец лайнер вырвался из туманного плена и будто оказался в другом мире. Потемнело. Низкие мрачные тучи заволокли все небо, косые струи дождя заштриховали стекла иллюминаторов. Внизу пронеслись мокрые ленты автомобильных дорог, блестящие от дождя крыши домов, деревья с пожелтевшей и поредевшей листвой, грязные лужи на просе-

лочных дорогах. Шасси коснулось бетонной полосы; толчок, резкое торможение, переходящее в плавное движение. Пассажиры облегченно вздохнули: «Ну, все, полет окончен, слава Богу, мы на земле». И сразу засобирались, засуетились, доставая зонты, плащи, куртки.

Среди других пассажиров на трап вышли высокий плотный мужчина лет шестидесяти и миловидная, стройная, несмотря на легкую полноту, женщина. Они пытались укрыться под одним зонтом, но ветер рвал его из рук, выворачивал наизнанку. До своей машины, оставленной на стоянке пару недель назад, они добрались основательно промокшие. Забравшись в белую «Тойоту», первым делом включили печку.

– Вот это погодка! Ничего, дорогая, через двадцать минут будем дома, переоденемся, согреемся, достанем к ужину бутылочку чачи, и жизнь наладится, – сказал мужчина, отряхивая капли дождя с густых, вьющихся, темных с проседью волос.

– Да, вот и закончилось для нас лето. Продлили мы его себе в этом году на две недели, погрелись на солнышке, и то хорошо, – улыбнулась женщина.

Она повернула к себе зеркальце, поправила высокую прическу, подкрасила губы. Достала телефон, набрала номер.

– Сынок, привет. Мы приземлились... да, долетели хорошо... уже в машине, скоро будем дома. У нас здесь холодно, ветрено и дождь, погода отвратительная. А у вас там,

роткие влажные волосы, крупные серьги, на пальце желтло обручальное кольцо. Через несколько минут «Тойота» затормозила около автовокзала. Пассажирка протянула водителю купюру.

– Спасибо, что подвез, а то дома муж с дочкой волнуются. Мне в Иркутске ночевать негде.

– Убери деньги и поторопись, – ответил мужчина.

Белая «Тойота» быстро развернулась и умчалась, растворившись в потоке машин. Женщина проводила ее глазами, потом подхватила тяжелый пакет и, вздохнув, поспешила к рейсовому автобусу.

Минут через пятнадцать супруги вошли в свою квартиру. За ужином разговор не клеился, несмотря на пару рюмок чачи. После еды мужчина, накинув куртку, вышел на лоджию покурить. Женщина убрала посуду со стола и села у окна, глядя на нудный осенний дождь, мокрый порыжевший клен, освещенный уличным фонарем, вереницу припаркованных машин, сиротливо жмущихся к обочине. В памяти обоих всплывали события тридцатилетней давности, вновь причиняя подзабытую боль.

Все началось с покупки автомобиля. Личная автомашина была заветной мечтой капитана Павлюченко, поэтому все деньги, которые удалось скопить за годы службы в Северной

группе войск, он отдал за белую «Волгу». Конечно, не новую, подержанную, за новой пришлось бы стоять в очереди не один год, да и денег не хватило бы.

Машину помог найти приятель, прапорщик Егозин. Правда, «Волга» была не на ходу. Владелец замучился искать причину частых поломок и решил избавиться от капризной красавицы. Смотреть ее поехали вместе. Егозин с детства «болел» автомобилями и разбирался в них не хуже хорошего автомеханика.

Когда двери гаража распахнулись и Михаил увидел плавные линии белоснежного корпуса, блеск фар, летящую фигурку оленя на капоте, дыхание его перехватило: «Она. Та, которая грезилась во сне и наяву». Егозин сразу полез под капот, а Павлюченко открыл переднюю дверь, сел на место водителя. Удобное сидение приняло его, словно приобняло. Он положил руки на руль, ощутил ладонями ребристый чехол. Погладил панель, слегка поблескивающие стекла приборов: «Ты будешь моей, голубушка».

Егозин долго копался в моторе. Улучив момент, когда хозяин машины отвлекся, улыбнулся и подмигнул Михаилу, показав большой палец. Это был знак, что причина капризов машины найдена и устранима. Затем захлопнул капот и, вытирая руки ветошью, с озабоченным лицом повернулся к владельцу:

– Похоже, заводской дефект, несколько деталей менять надо, придется искать запчасти. У меня приятель в Москве

есть, в автосервисе работает, можно попробовать через него. Но, боюсь, дорого запросит, дружба дружбой, а денежки врозь.

Хозяин обреченно махнул рукой:

– Да мне проще ее продать. Сын себе уже новую машину купил, эту мне отдал. А мне она зачем? Куда мне особенно ездить?хлопот с ней не оберешься. Это уж вы, молодые, доставайте, меняйте, ездите.

Однако, торговались долго, денег не хватало. В конце концов, сторговались на той сумме, какая имелась, плюс новый ковер «два на три», привезенный капитаном из Германии. В Союзе такой ковер достать можно было только по большому благу.

В военный городок «Волгу» притащили на буксире. Дорогой Егозин, возбужденный грандиозностью покупки и чувством собственной значимости, объяснял:

– Там жиклер карбюратора накрылся, заменим и все! Ну и крышку трамблера поменять надо, есть трещинка. Ну и почистить-смазать... Мужик этот в машине не смыслит ничего, не ухаживал за ней... И будет она у тебя бегать как новенькая!

С гаражом проблема решилась легко, удача сама шла в руки. Майор Баринцев уезжал в Питер, в академию, и охотно уступил Павлюченко свой гараж в обмен на немецкий сервис «Мадонна». Анюта, жена Михаила, видя радостное оживление мужа, не спорила, только украдкой вздыхала, видя, как

он снимает со стены ковер, упаковывает сервис. Вещи дело наживное, а тут мечта у любимого осуществляется! Она безропотно приняла и тот факт, что все свободное время муж теперь проводит в гараже с Егозиным. Они вдвоем увлеченно разбирали мотор, мыли, чистили, смазывали и снова собирали. Перебрали по винтику всю машину. Аня принесла им обеды и ужины в гараж, поскольку домой мужа было не дозваться, она со страхом смотрела на разложенные на старой простыне железки: «А ну как не соберут?». Но вот настал долгожданный день. Последняя деталь встала на свое место, бензин и масло залиты, поворот ключа – и мотор ожил. Михаил нажал педаль газа, и машина, плавно тронувшись с места, выкатилась из гаража. Галки, испуганно захлопав крыльями, сорвались с соседних деревьев от их дружного «Ур-р-ра!!!».

– С тебя коньяк! – улыбался, словно именинник, Егозин.

– Будет. Жена, иди стол накрывай. Сейчас обкатаем машину и придем, – сиял Павлюченко.

Анна смотрела на радостные лица мужа и его приятеля:

– Ну как мальчишки, право слово. Большие дети с большой игрушкой. Жду через час.

Она даже не подозревала, сколько проблем принесет ей эта «игрушка» мужа, как изменит ее жизнь! Мысли и время Аня были заняты предстоящими родами. В семье Павлюченко росла дочка Ирочка, кудрявое создание четырех лет отроду, и вот вскоре ожидалось пополнение. Аня очень на-

деялась, что родится сын мужу на радость.

Первые дни Михаил каждый свободный от службы вечер садился за руль и колесил по окрестным дорогам до глубокой ночи. Он летел по пустынному в этот час шоссе. За стеклами темнела тайга, в машине негромко играло радио. Бабушка Михаила была осетинкой и в нем заговорила вдруг кровь джигита, от скорости словно крылья вырастали за его спиной.

Вскоре капитан Павлюченко даже в часть стал ездить на своей «Волге», хотя от дома до КПП всего-то десять минут хода. На ней он и жену в роддом отвез, когда пришел срок. А вечером того же дня Михаил шумно праздновал рождение сына и чувствовал себя счастливейшим человеком: сбылись оба заветных его желания.

На следующий день, в обед, едва придя в себя после «вчерашнего», он оставил дочку у подруги жены и отправился в соседний райцентр, в роддом. Райцентр представлял собой небольшой городок, уютный, зеленый, и жизнь там текла размеренно и несуетливо. Несколько магазинчиков, один кинотеатр, одна больница, один ресторан да пара кафешек – сколько таких городков по России, не сосчитать. Капитан уже почти доехал до роддома, осталось завернуть за угол, когда увидел вывеску «Цветы».

– О, точно, надо бы цветы Нютке купить, – решил он и зашел в магазин.

Посетителей кроме него не было. Продавщица, черново-

лосая девушка в очках, сосредоточенно разбиралась в накладных.

– Мне бы букет, – попросил Михаил.

– Яна, обслужи покупателя, – крикнула черноволосая не поднимая головы от бумаг. Михаил оглянулся и обомлел – из подсобки выплыла девушка ангельской красоты. Длинные волосы цвета льна струились по плечам и спине до точеной талии, короткая клетчатая юбочка открывала безупречной формы ножки, белая блузка плотно облегла высокую девичью грудь. Девушка заметила, какое впечатление произвело ее появление, чуть усмехнулась и в свою очередь окинула капитана дерзким взглядом темных глаз.

– Мне бы букет, – повторил Михаил.

– Вам собрать или из готовых выберете?

– Лучше собрать, – пробормотал он, надеясь, что процесс хоть немного затянется.

– Для кого букет, по какому случаю?

– Знакомой на день рождения, – неожиданно для самого себя выдал Михаил.

Девушка уложила несколько нежных лилий на темно-зеленый лист пальмы, добавила веточку гипсофилы, оформила прозрачным целлофаном с золотой ленточкой. Получилось очень эффектно.

– Так вас устроит?

– Конечно, спасибо, – и не удержался, добавил «со значением», понизив голос, – очень красиво!

Выйдя из магазина, капитан уложил букет на заднее сидение машины и оглянулся. Яна стояла по ту сторону витрины и смотрела на него. Она не смутилась, не отвела взгляд, встретившись с ним глазами, только слегка улыбнулась и ушла.

В роддоме дежурная медсестра, принимая передачу для жены, брать цветы отказалась: «Не положено, дома подарите», и Михаил привез букет домой. Разыскал в стенке вазу, поставил в нее лилии. Комната наполнилась сладким ароматом. Букет напоминал саму Яну: та же холодная безупречность форм, хрупкая красота. К утру от сильного аромата разболелась голова.

Аню с сыном он встречал из роддома с цветами, купленными в другом магазине.

Месяц прошел в хлопотах, маленький человечек прибавил немало забот, особенно Ане. Иришка, поначалу радостно, как новую игрушку, принявшая братика, быстро поняла, что играть-то с ним не дают, зато львиная доля родительского внимания достается теперь не ей, а этому беспокойному созданию. Начались ежедневные капризы. Михаил уставал на службе, часть готовилась к очередным учениям, а дома отдохнуть и выспаться не удавалось. Он почти не вспоминал о девушке из цветочного магазина, но однажды, случайно проезжая мимо, увидел знакомую вывеску и остановился.

Яна заворачивала цветы для пожилой женщины, оглянулась на вошедшего, и по взгляду, по секундной паузе капитан

понял, что его узнали. Отпустив покупательницу, девушка повернулась к нему, откинула прядь волос, глянула долгим взглядом.

– Добрый день. Вам собрать букет?

– Нет. Что вы делаете сегодня вечером?

Михаил сам не ожидал от себя этих слов, ничего такого он не планировал, но что сказано, то сказано.

Прошло несколько месяцев. Миновала долгая погожая осень. Байкал, вобравший в себя тепло короткого, но жаркого лета, задерживал наступление холодов. Пережили длинную, морозную зиму. В гарнизонных квартирах было весьма прохладно, батареи давали тепла не много. Согревались кто как мог: в спальне электрообогреватель работал день и ночь, на кухне, на плите, постоянно стоял бак с горячей водой.

Весна в этих краях всегда была поздней – Байкал, как огромный холодильник, не давал прогреться воздуху. Днем на солнышке весело поблескивала капель, а за ночь все снова сковывало льдом. Дома прогревались еще медленней, поэтому днем все стремились на улицу, порадоваться долгожданному теплу.

Солнечным воскресным днем семья Павлюченко в полном составе отправилась в город за обновками для подросших за зиму малышей. Назад возвращались в прекрасном

настроении, довольные покупками, обедом в кафе (Господи, хоть сегодня не крутиться на кухне, все подали, убрали!). Дети, полные впечатлений, быстро уснули на заднем сидении. Анна сидела впереди, рядом с мужем, любуясь уверенными движениями его сильных рук, и чувствовала себя вполне счастливой.

– Анюта, достань-ка темные очки, они должны быть в бардачке, – попросил Миша, – солнце в глаза светит. Анна заглянула в бардачок и вместе с очками вытащила перламутровую женскую заколку в виде змейки.

– Что это? Откуда это здесь? – растерянно спросила она.

Михаил мельком глянул:

– Это? Да, на днях подвозил женщину. Наша, гарнизонная, опоздала на рейсовый автобус. Сумки у нее были тяжелые, пожалел. Потом под сидением нашел заколку, наверное, она обронила, больше некому. Ну, убрал в бардачок, думаю, встречу – отдам. Видел ее в городке, но чья жена – не знаю.

Анюта поверила словам мужа: убедила его спокойная реакция, но хорошее настроение куда-то улетучилось.

Михаил, конечно, сразу узнал заколку. Вчера вечером они с Яной искали ее в машине, потом решили, что обронили в другом месте. Как она попала в бардачок? Неужели Янка специально спрятала ее там?! Решила ускорить события? В начале их отношений он, переполненный чувствами, пообещал развестись с женой и жениться на ней. Как еще он мог удержать молодую красивую девушку, у которой не бы-

ло недостатка в дыхателях? А терять ее ох как не хотелось! Когда Михаил летел в своей белой «Волге», а рядом ворковало это небесное создание, он чувствовал, что жизнь удалась. Он словно видел себя со стороны – и сам себе завидовал! С Яной он попадал совсем в другой мир, в котором все волновало и будоражило, переливалось яркими красками. Девушка была непредсказуема, его бросало то в жар, то в холод. После страстной ночи она вполне могла встретить его, как «просто знакомого». Несколько раз он заставал в магазине около Яны то одного, то другого ухажера. Михаил кипел, а она невозмутимо пожимала плечиком:

– В чем дело? Ты мне не муж. Какие могут быть претензии? Жене сцены устраивай.

Михаил устал от такой жизни, но отказаться от нее был не в силах, Яна притягивала его как магнит.

Несмотря на яркую внешность и самовлюбленность, Яна была вполне обычной девушкой. Свою единственную дочку родители наряжали как куклу, и хорошенькая девочка была всегда на виду. Именно ее выбирали для вручения цветов гостям школы, ставили в первый ряд школьного хора, поручали вести концерты художественной самодеятельности. А неплохой слух и приятный голосок сделали ее украшением концертов и школьных вечеров. С юных лет она поняла, в чем ее сила, рано привыкла к вниманию не только сверстников, но и парней постарше. Девичьи капризы выполнялись беспрекословно, и это сделало ее самоуверенной и насмеш-

ливой. Училась Яна средне, полагая, что зарабатывать себе на хлеб упорным трудом ей не придется. После окончания школы поступать никуда не пыталась, а пошла работать в цветочный магазин, решив, что именно такой интерьер послужит прекрасным фоном для ее красоты. Да и покупатели туда заглядывают состоятельные. Постепенно работа увлекла, ей нравилось составлять композиции из цветов, нравилось ухаживать за растениями. У Яны было врожденное чувство прекрасного, но не доставало профессиональных знаний. Между тем, годы шли, а подходящего кандидата в мужа все не было. Ухажеров хватало, предложения руки и сердца тоже случались, но все это было «не то». Кавалеры постоянно менялись. Те, что еще вчера тенью ходили за ней, исчезали, женились на других девушках, но на их месте появлялись двое новых. До поры до времени Яна не беспокоилась, убежденная, что уж она-то одна не останется. Забеспокоилась она, когда заметила, что среди воздыхателей все меньше молодых парней и все больше лысеющих и толстеющих «дядечек». Да и «предложения» стали поступать иного рода.

Когда в магазине появился высокий, плечистый, черноглазый капитан, его смущение и растерянность польстили девушке. Но он больше не приходил, и это задело ее самолюбие. Поэтому, когда офицер внезапно снова объявился с предложением встретиться вечером, она согласилась. К тому же, у него была такая машина! Просто принц на белом

коне!

Поначалу ни о чем серьезном Яна не задумывалась, ей нравились ухаживания капитана, нравилось флиртовать с ним, играть в «кошки-мышки», она забавлялась, как ребенок со спичками, и сама не заметила, как от огонька занялся пожар.

Как-то во дворе Яна встретила Витьку из второй квартиры. Он чуть не сбил ее с ног, несясь с глупым от радости лицом.

– А у меня сын родился! Представляешь, сын!!! Танюшка моя сегодня родила.

– Привет. Поздравляю...

Яна не успела договорить, а Витьку уже как ветром сдуло. Девушка задумчиво присела на скамейку у подъезда. Давно ли этот Витька писал ей признания в любви на асфальте и гаражах? А сейчас едва заметил.... А Танюшка эти надписи стирала.... Между прочим, она на два года младше самой Яны....

Дома мама подлила масла в огонь:

– Все гуляешь, хвостом вертишь? Один ветер в голове. Посмотри-ка, все подружки замуж повыходили, свои гнезда выют, детей рожают, а ты все фыркаешь, все красуешься. Все тебе «не такие». Смотри, за переборки подарит черт оборки!

На следующий вечер, садясь в машину Михаила, Яна посмотрела на него другими глазами. Ей, конечно, донесли, что он женат, что у него двое детей – шила в мешке не ута-

ишь – но пока для нее это было неважно, она просто играла. Теперь это стало важно. Не то чтобы наличие жены, детей ее останавливало или смущало, скорее наоборот – будило азарт. Это было из какой-то другой, взрослой жизни. Как в кино. Для себя она решила, что эта незнакомая женщина, жена ее Миши, сама виновата, что не смогла его удержать. От хороших жен не гуляют, а значит, нечего ее жалеть. В том, что у нее все получится, и что уж она-то своего мужа не упустит на сторону, Яна была уверена.

Аня заметила, что муж стал чаще задерживаться после службы, чаще уходить на дежурство, приходиться уставшим и после ужина сразу засыпать. Раньше он не мог пройти мимо, не коснувшись ее. То погладит, то пощекочет или слегка шлепнет. Теперь эти мимолетные ласки прекратились. Аня объясняла себе эти перемены собственной замотанностью. Маленькие дети, частые детские простуды, неустроенный гарнизонный быт отнимали так много сил, что на себя их просто не хватало. К вечеру оставалось только одно желание – скорее лечь в постель. Засыпала, едва коснувшись головой подушки. А муж свое частое отсутствие объяснял проблемами на службе. Аня сочувствовала ему, даже корила себя, что не уделяет ему достаточно внимания. После случая с заколкой эти перемены вдруг приобрели совсем другой смысл, в душе поселилась тревога.

Недавние проталины зазеленели молодой травкой, сопки покрылись сиреневым ковром цветущего багульника, тайга словно укуталась светло-зеленой вуалью, на фоне которой выступали тревожно-темные столетние кедры и ели. В ярко-синем небе плыли, как последние льдинки, облачка. День был чудесный, совсем теплый.

Анюта гуляла по единственной улице городка с коляской, поглядывая на Иришку, играющую с подружками. Девочки постарше расстелили на травке одеяло, рассадили кукол, разложили кукольную посуду. Малышку они милостиво приняли в игру из-за нарядной куклы, и Иришка была счастлива. На едва просохшем футбольном поле мальчишки гоняли мяч, девочки старательно чертили «классики» на асфальте, прыгали через скакалки. Анюте приходилось лавировать между ними.

У подъездов на лавочках не было свободного места. Аню не интересовали гарнизонные сплетни, горячо обсуждаемые полковые «подковерные» игры. Она как бы существовала в собственном мире, в котором была ее семья, книги, вышивка, поэтому приятельниц в городке у нее было немного, а подруга всего одна. Анна даже не подозревала, что гарнизонные кумушки с особым интересом присматриваются к ней. Ее привлекательность, которую она не вполне осозна-

вала, красивый муж, красивые нарядные дети, личная машина (да еще не абы какая!) будили зависть. А в последнее время появилось так много поводов для разговоров и даже возможность «пожалеть бедняжку»!

Проходя мимо скамейки, Аня заметила устремленные на нее взгляды и услышала обрывок разговора:

– Да сколько раз ее в его машине видели, в открытую раскатывают. Все знают, кроме жены.

– А может и она знает, только виду не подает, удержать надеется.

Машины в городке были не только в их семье, не было оснований принимать этот разговор на свой счет, но сразу вспомнилась найденная заколка и смутные подозрения сменились вполне реальным осознанием, что говорят именно о них. Стало трудно дышать, в ушах зазвенело, голова закружилось. Анна вцепилась в коляску, чтобы не упасть, на внезапно ослабевших ногах завернула за угол, прислонилась к стене.

Муж пришел в двенадцатом часу ночи, когда дети давно спали. Анна сидела на кухне, готовилась к разговору и боялась его.

– Где ты был? Почему ты стал приходить так поздно?

Михаил сначала устало отмахнулся:

– Много будешь знать, скоро состаришься.

Но, увидев лицо жены, сменил тон:

– В части был, где же еще? У меня взводного в другую

роту перевели, а нового пока не прислали, работаю «за себя и за того парня». Ты же знаешь, я говорил тебе.

– А заколку ты владелице отвез?... Хотела бы я посмотреть на ту, которую ты катаешь, пока я с нашими детьми кручусь, между плитой, стиральной машинкой и гладильной доской. Дети скоро забудут, как ты выглядишь!

– Какая заколка, какая владелица?! Что за бред? Что случилось, пока я на службе был?

Удивление мужа выглядело так натурально, что Аня не выдержала нервного напряжения и расплакалась, уткнувшись в его плечо. Она все рассказала ему, и о слышанном разговоре, и о своих подозрениях, жалуясь Мише на него же.

– Девочка моя, ну чего ты себе напридумывала? Чего ты слушаешь этих сплетниц? Они от скуки языки чешут, а ты переживаешь. Я люблю только тебя и наших детей, мне никто больше не нужен. Ну, кому ты больше веришь, родному мужу или этим дурам? И вообще, мало ли о ком они говорили? Почему ты решила, что это о нас? Я понимаю, ты устаешь, жизнь у тебя слишком однообразная. Ничего, потерпи немного. Пришлют нового взводного, я буду больше времени проводить с вами. Летом по выходным будем ездить на Байкал.

Михаил говорил так убедительно, что сам поверил своим словам. Ведь он совсем не хотел причинять боль Аняте, она была частью его жизни, привычной и необходимой. Но новое чувство так захватило его, что он забыл о жене, не думал,

каково ей. А сейчас, при виде Анютиных слез, ему стало искренне жаль ее.

Выплакавшись, Аня успокоилась. На следующий день ей самой было странно, что она так близко к сердцу приняла услышанный обрывок разговора. Мало ли о ком говорили? На целый месяц Миша стал прежним, целовал, придя домой, ласково подтрунивал над ней, играл с детьми. Они даже действительно съездили в выходной на Байкал!

День выдался по-летнему жаркий. Никитка ползал по растеленному пледу, тараща глазенки на яркий мир вокруг, Иринка бегала по берегу, собирая букет из первых цветочков, и просилась в воду. Аня разулась, опустила ногу в набежавшую волну и тут же с визгом ее отдернула – вода была обжигающе ледяной. Миша посмеивался, любовался своею семьей, но на обратном пути был молчалив.

– Что с тобой? О чем ты думаешь?

– Да так, ни о чем. Просто устал немного.

Позже Аня часто вспоминала этот день, последний счастливый день их семьи. Вскоре жизнь вернулась в прежнее русло. Опять муж задерживался допоздна, опять забывал поцеловать ее, уходя на службу. Опять засыпал после ужина, повернувшись к ней спиной. Снова в душе Ани поселились тревога и сомнения, постепенно переросшие в уверенность, что у мужа есть другая жизнь, в которой нет ей места. Она упорно гнала эти мысли и не пыталась больше выяснять отношения.

Первые дни, когда Михаил вдруг исчез, Яна недоумевала. Гадала, в чем причина: заболел, неприятности по службе, командировка? Дни шли, недоумение сменилось досадой, досада растерянностью. Неужели он ее бросил? Ее?! Этого просто не может быть! От обиды она начала флиртовать с новым поклонником, но быстро поняла, что с ним ей скучно. А кончилась эта попытка вообще ужасно. В магазин пришла его девушка и устроила шумный скандал прямо при посетителях. С Яной и раньше случались подобные неприятности, она научилась «держаться удар», отвечая холодным безразличием. Но в этот раз нервы не выдержали, она убежала в подсобку и там разрыдалась.

Яна страдала, впервые в жизни она почувствовала, каково это – быть брошенной. У нее пропал аппетит, ночами она лежала без сна, глядя в потолок, наблюдая за игрой теней ветвей липы, растущей под окном. Исчезла всегдашняя уверенность в себе, легко подступали слезы. До нее дошло, что такое влюбиться в чужого мужа. Как-то утром, взглянув на себя в зеркало, девушка ужаснулась: темные круги под глазами, растерянный взгляд. Первая морщинка над переносицей придавала лицу жалобное выражение. Яна поняла, так дальше продолжаться не может, надо взять себя в руки, привести в порядок и действовать!

В ближайший выходной она отправилась в военный городок. Через КПП пройти без пропуска было невозможно, но это не стало препятствием, все девчонки в округе знали, как попасть на танцы в гарнизонный дом офицеров. Сойдя с автобуса, Яна пошла вдоль забора вокруг городка. С противоположной от КПП стороны была канава, по которой в сухую погоду легко можно было пролезть под забором. В военторге работала продавщицей бывшая одноклассница Яны, Галка. Именно этим путем попав на танцы пару лет назад, она встретила там свою судьбу, и теперь жила с мужем прапорщиком в городке. К ней и направилась Яна. Галка встретила ее приветливо, а узнав о цели визита, пригласила домой «на чай». Выпив пару рюмок «для храбрости», Яна кое-что рассказала приятельнице, так сказать, «отредактированную и сокращенную версию». У Галки от любопытства и предвкушения сенсации местного масштаба горели глаза.

– Только смотри, никому!

– Ну конечно, что я, не понимаю?!

Подружка знала капитана Павлюченко и его жену и согласилась ее показать (врага надо знать в лицо!). Она же подтвердила, что ничего с капитаном не произошло, никуда он не уезжал, заходит в военторг, как и раньше.

Засаду устроили в беседке на детской площадке, напротив подъезда, в котором жила семья Михаила. Смеркалось, а окна квартиры на пятом этаже оставались темными.

– Наверное, поехали куда-то всей семьей, на машине-то

что не съездить? Ничего, скоро вернуться, детей пора спать укладывать.

Галка помолчала несколько минут.

– Янка, ты извини, побегу я домой, а то мой вот-вот из ба-ни вернется, он не любит, когда меня дома нет. Ты машину ведь их хорошо знаешь, не ошибешься. И, сторя от любопытства и сожаления, Галка умчалась домой.

Яна просидела еще около получаса. Наконец, подъехала знакомая «Волга». Девушка решительно вышла из беседки, прошла мимо машины и присела на лавочку около подъезда. Михаил, увидев ее, растерялся, но быстро взял себя в руки. Помог выйти из машины жене, сонной дочке, бережно взял с заднего сидения спящего сына и отдал жене.

– Иди, укладывай детей, я поставлю машину в гараж и приду.

– Сумку с провизией не забудь.

– Иди, иди. Не забуду.

Михаил сел в машину, украдкой показал Яне рукой в сторону гаража и поехал.

Яна успела хорошо рассмотреть соперницу и была в шоке. Совсем не так она представляла себе жену Михаила. В своем воображении Яна рисовала «серенькую мышку», толстушку-«наседку» с цепляющимися за юбку детьми. А увидела стройную красивую шатенку в фирменных джинсах и облегчающей футболке. Густые вьющиеся волосы тяжелым, слегка растрепавшимся узлом лежали на шее. Рядом с ней куд-

рвая девочка, похожая на Мишу, тоже в джинсах, на руках спящий малыш положил голову на плечо мамы. Анна, занятая детьми, уставшая за долгий суматошный день, лишь вскользь взглянула на Яну – ну мало ли что за девушка сидит на скамейке у подъезда. Все семейство на фоне белой «Волги» выглядело как картинка из журнала. Именно так представляла Яна свое будущее в мечтах.

Тем не менее она решительно направилась к гаражам.

– Ты зачем караулила меня у подъезда?! Ты что, с ума сошла?

Миша был зол, таким Яна его никогда не видела, но ее этим не напугаешь и не собьешь.

– А ты думаешь, я позволю с собой так обойтись? Пообещал жениться, затащил в постель, а теперь наигрался и бросил? Думаешь, тебе это сойдет с рук? – коршуном налетела на него девушка.

Щеки ее покраснелись, глаза метали молнии, фурия, да и только. Михаил сгреб ее в охапку и начал жадно целовать глаза, волосы, губы.

– Я так соскучился! Если бы ты знала, как я истосковался по тебе! Пойдем в машину...

Девушка вырывалась как кошка. Вывернулась, отскочила.

– Ну, нет. И не мечтай! Я тебе не наложница, со мной этот номер не пройдет. В общем, так: либо завтра ты встречаешь меня, как раньше, с работы, либо послезавтра я прихожу к твоей жене. Обещал жениться? Женись! Все. Будь здоров!

Яна круто развернулась и быстро пошла в сторону КПП.

– Да давай я тебя хоть отвезу, последний автобус уже ушел... – Михаил шагнул было за ней, но остановился и опустился на чурбак для рубки мяса у гаража, обхватив голову руками, – вот влип, так влип...

Яна пронеслась через КПП с таким лицом, что дежурный, открывший было рот, тут же закрыл его и только рукой вслед махнул.

На следующий вечер без пяти семь белая «Волга» стояла у служебного входа магазина «Цветы».

Подошло к концу короткое сибирское лето. Семья Павлюченко отметила первый день рождения сына. Аня приготовила подарок, накрыла стол, пришли гости – подруга с мужем и дочкой, а Миши все не было. Муж подруги, пряча глаза, говорил что-то в оправдание приятеля. Наконец, в девятом часу Михаил пришел. Аня старалась быть веселой, Миша тоже, но на душе у обоих скребли кошки.

Первые холодные ночи позолотили деревья. Желтые листья тихо кружились в воздухе и с легким шорохом ложились на асфальт. Тихие улочки райцентра в золотом и багряном уборе выглядели еще уютнее. Изредка проезжала одинокая машина, будоража опавшие листья. Вечерело. Аня с дочкой, нагруженные пакетами, торопились из бани на автостанцию.

Надо было успеть на рейсовый автобус. Дома предстояло еще нагреть воды и выкупать Никитку, оставленного с соседкой.

– Мама, смотри, наша машина, – дернула ее за руку Иришка.

Действительно, впереди, на противоположной стороне улицы, стояла машина мужа.

– Ура, домой с папой поедем! – дочка побежала было вперед, но Аня поймала ее за руку и остановилась сама. Сделав шаг в сторону, отступила за разросшийся куст сирени. И вовремя, потому что из магазина «Цветы» вышел ее муж, но не один, с ним под руку выпорхнула яркая блондинка. Миша улыбался, что-то оживленно говорил своей спутнице, та весело смеялась. Девушка показалась Ане знакомой, где-то она ее видела... Миша галантно распахнул перед ней переднюю дверцу, блондинка уселась на ее, Аннино, место. В волосах блеснула знакомая перламутровая змейка. Машина развернулась и уехала, а Аня все стояла за кустом, крепко сжимая дочку за руку.

– Так вот какое у него боевое дежурство, – вырвалось у нее.

– Мама, что это за тетя? Почему она уехала на нашей машине? Почему мы не подошли к папе? – тормошила ее за руку Иринка.

– Это знакомая папы, она, наверное, попросила ее отвезти, – помолчав, ответила Аня.

– Ну, мы же могли вместе поехать, папа сначала бы отвез

ее, потом нас.

– Не могли. Мы на автобусе быстрее доедем.

На свой рейс они едва успели. Вечером пассажиров всегда было много, Иринку кто-то посадил на колени, Аня с тяжелыми пакетами стояла всю дорогу. Она упорно, словно от этого что-то зависело, пыталась вспомнить, где видела эту блондинку. Дойдя до подъезда, вдруг вспомнила. Ну конечно! Здесь, на этой самой скамейке, сидела эта девица в тот вечер, когда они вернулись с пикника. Вспомнила, как внимательно она смотрела на них, как муж вернулся из гаража сам не свой и, сославшись на головную боль, отказался от ужина, сразу лег спать.

Картинка сложилась, вопросов больше не осталось, кроме одного: что делать? Аня заставила себя заняться домашними делами. Быстро приготовила ужин, накормила детей, нагрела воды для стирки и купания Никитки, разобрала белье, запустила стиральную машинку, в ванночке выкупала сына, уложила детей спать, перемыла посуду. Потом взяла табуретку, села у окна, глядя в ночь. Привычные домашние хлопоты немного отвлекали от тяжелых мыслей. Но вот дела кончились и глухая боль, поднимаясь откуда-то снизу, заполнила ее всю, сжимая сердце, перехватывая дыхание и, наконец, вылилась слезами. Вспомнилась вся их семейная жизнь, еще недавно такая счастливая.

Они познакомились почти семь лет назад на новогоднем вечере в военном училище. Ее, тогда еще Анечку Смир-

нову, студентку-первокурсницу Воронежского педагогического, подружки уговорили пойти на танцы. Аня выросла в небольшом поселке недалеко от Воронежа. Жила с мамой – медсестрой поселковой амбулатории. Отец оставил семью, когда Анютка была совсем маленькой, она и не помнила его. Школу закончила с золотой медалью, и вот теперь совсем самостоятельная, студентка, в городе! Жизнь ей улыбалась.

Анечка впервые была в военном училище, в глазах у нее рябило от такого количества мундиров. Загремел оркестр, к стайке девушек подлетело сразу несколько курсантов. Аня видела, что к ней через зал идет светловолосый парень. Вдруг сбоку к ней шагнул высокий, статный, черноглазый курсант и решительно предложил руку. Перед Анечкой стояли двое, секунду помедлив, она подала руку черноглазому, еще не подозревая, что выбрала свою судьбу.

Миша учился на последнем курсе. Через полгода, после выпуска, они сыграли скромную свадьбу и по назначению уехали в Северную группу войск. Они попали в военный городок рядом с Дрезденом. Вокруг бурлила совсем другая, незнакомая жизнь, звучала чужая речь. Другие правила, другие обычаи. Было нелегко приспособиться к новым обстоятельствам, но интересно. Рядом был любимый и любящий муж, что еще нужно для счастья в девятнадцать лет?

Ане пришлось перевестись на заочное. Сначала она старательно училась, зимой съездила на сессию. На летнюю сессию поехать не смогла, беременность переносила тяжело.

Пришлось взять академический. Через год, когда надо было лететь в Воронеж, восстанавливаться в институте, невозможно было оставить грудного ребенка, да и денег на дорогу не было – только что купили мебель, потратились на детские вещи. Муж тогда сказал:

– Нютка, зачем тебе этот диплом нужен? Что, я не прокормлю тебя, что ли? Все равно в гарнизонах женам работать негде, и будет твой диплом лежать без дела. Мне жена нужна, а не училка с дипломом. Жена офицера, это, знаешь, тоже профессия, вот и осваивай.

Мама, правда, в каждом письме настаивала, что образование надо получать, продолжать учебу, но в двадцать один год кто маму слушает? Миша был для Ани непререкаемым авторитетом. Так получилось, что, несмотря на золотую медаль, ни специальности, ни стажа, ни какого-либо опыта работы у Анны на данный момент не было.

– Что делать? Что делать? – шептала она, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, как китайский болванчик.

– Забрать детей и уехать? Куда? Явиться несчастной разведенкой, брошенной с детьми к маме, в поселок, где все ее знают? Нет-нет, только не это! Мама так гордилась дочкой-отличницей, студенткой, офицершей... Да и что там делать? Дояркой на ферму идти?

Уехать куда-нибудь в другой город? Но кому она без специальности, без денег, с двумя детьми нужна? Где жить?

Аня представила, что здесь, в ее квартире, на ее кухне будет хозяйничать другая женщина, будет пользоваться ее вещами, ложиться в постель с ее мужем, и тихонько завыла.

Предложить развод? Пусть идет к своей блондинке. А на какие деньги жить, чем кормить детей? Новая жена потребует немало расходов, а им втроем на алименты не прожить. И работы для неё в городке нет. Одной гордостью детей не накормишь и не оденешь.

Спрятать голову в песок и сделать вид, что ничего не знаю, ничего не вижу? Делать вид, что верю в его ложь, улыбаться, целовать мужа, зная, что он сейчас поедет к другой? Аня завыла еще громче. Жизнь загнала ее в угол.

– Мамочка, у тебя животик болит? На пороге кухни стояла испуганная Иринка, с любимым мишкой под мышкой.

– Да, доченька, но я выпила лекарство, сейчас все пройдет. Не стой босиком, пол холодный, пойдем, я тебя уложу.

Иринка заснула быстро, даже во сне прижимая к себе мишку. Анна подоткнула сползающее одеяло. Подошла к кроватке сына. Никита спал в такой же позе, как отец, раскинувшись во всю кроватку. За окном начинало светать. Ложиться в супружескую кровать не хотелось. Аня, не раздеваясь, прикорнула на диване и, наконец, уснула. Решение было принято.

Разбудил ее детский плач. Никита, мокрый и голодный, требовал внимания. Иринка потягивалась и хныкала в своей кровати. Переживания переживаниями, но детей пора было кормить. В окна заглядывало серенькое утро. Накрапывал дождь. После завтрака Анна хлопнула в ладоши:

– А сейчас, мои дорогие, быстро собираемся, и гулять! Поедем в райцентр.

Через час Аня с сыном на одной руке и дочкой, держащейся за другую руку, вошла в детский сад. В коридоре девушка в ярком полосатом джемпере крепила объявление к стенду.

– Скажите, пожалуйста, могу я поговорить с заведующей? – обратилась к ней Аня.

Девушка бросила быстрый взгляд поверх очков на живописную группу:

– Путевки только через РОНО!

– Я по поводу работы.

Девушка воткнула в стенд последнюю кнопку и обернулась.

– Ну что же, пройдемте в кабинет, только придется разуться, в уличной обуви у нас ходить нельзя.

Через минуту Аня сидела в уютном кабинете, дети занялись яркими игрушками, расставленными на полках шкафчика. Девушка, к удивлению Анюты, оказалась заведующей

садином.

– Марина Владимировна, – представилась она.

Аня вкратце рассказала о себе.

– Знаете, честно скажу, мы офицерских жен на работу стараемся не брать. Только вас оформишь, мужа переводят в другую часть, и нет работницы.

– Мы собираемся разводиться, а ехать мне некуда, так что не сбегу. Мне очень нужна любая работа.

– Взять вас воспитателем с вашим незаконченным высшим и без опыта работы я не могу. Повар, медсестра, бухгалтер – везде нужны корочки. А няней же вы не пойдете? Зарплата маленькая, работа хлопотная и не престижная.

– Пойду, – твердо сказала Анна, – только детей в садик возьмите, мне их не с кем оставлять.

– Няни нам, конечно, всегда нужны. А дети... Старшей девочке сколько?

– Пять исполнится через месяц. А младшему год.

– Ну, для старшей девочки место в группе найдем. Если вы, конечно, выйдете на работу. А вот что с младшим делать? Ясельной группы у нас нет.

Марина Владимировна подумала и взялась за телефон. Через час Аня выходила из кабинета заведующей яслями с бланками направлений на медосмотр для себя и детей. Ее взяли няней на ставку в садик и на полставки в ясли, по совместительству.

Вечером, вернувшийся «с боевого дежурства» муж был

сильно удивлен рассказами Иринки о том, где они были и что делали. Жена на кухне собирала ужин. Михаил сел к столу:

– Ну, рассказывай, куда ты с детьми ездила, что тут произошло, пока я был на службе?

– Пока ты был «на дежурстве» я устроилась на работу.

– Куда? Кем?

– Няней в детский сад и ясли.

– Зачем?! Денег не хватает?

– Просто хочу работать.

– Тоже мне, работа! Тебе что, дома горшков мало?

– Ни на какую другую работу без диплома мне не устроиться.

– Вот и сиди дома. наших-то детей куда ты денешь?

– Дети будут со мной. Ирину берут в садик, Никиту в ясли.

Михаил открыл было рот, чтобы отговорить Анюту от этой странной затей, но в кухню вбежала дочка.

– Папа, а куда ты отвез тетю?

– Какую тетю?

– Какую, какую, которая к тебе в машину села, когда мы с мамой из бани шли.

У Михаила подкосились ноги. Он присел на табурет, в глазах мелькнула тревога. Анна спокойно мыла посуду.

– Так... понимаешь... тетя заболела, попросила отвезти ее в поликлинику, – пробормотал он первое, что пришло в голову.

– Видишь, какой у нас папа добрый и заботливый, –

не удержалась от сарказма Аня.

Иришку объяснение вполне устроило, и она убежала играть. Михаил приготовился к скандалу, но Анна молча положила тряпку и ушла из кухни к детям.

Через неделю, потраченную на прохождение медосмотров, для Ани началась новая жизнь. Она вставала в шесть утра, быстро собиралась, одевала сонных детей и бежала с ними на рейсовый автобус. По пути заносила Никитку в ясли и спешила с Иринкой в садик, благо, в маленьком городе все рядом. Отработав смену в детском саду, спешила в ясли, по пути успевая купить продукты. Домой возвращались около семи, усталые. Вечер уходил на неизбежные домашние хлопоты. Анна вошла в колею, научилась все делать быстро, отработанными до автоматизма движениями. Физическая работа не оставляла времени на душевные терзания, в этом было ее спасение.

Для Михаила тоже началась новая жизнь. В ней уже не было борщей, пирогов и прочей домашней вкуснятины, приходилось довольствоваться наскоро сваренным супом или магазинными пельменями. Никто больше не спешил к нему навстречу, когда он возвращался домой. Дети и жена уже спали или укладывались спать. Семья по-прежнему жила в одной квартире, но теперь они существовали как-то параллельно, почти не пересекаясь, как соседи. Прекратились совместные вылазки по выходным на природу, в город, Аня избегала садиться в машину.

Михаил боялся скандала, слез, упреков, но их не последовало. Поначалу его это радовало, потом беспокоило. Ему стало не хватать жены, веселой возни с детьми, домашнего тепла и уюта. Он попытался больше времени уделять семье, раньше приходить, реже ездить в райцентр, но скоро понял, что его прежний мир, казавшийся таким привычным, обыденным, исчез навсегда. Аня спокойно обсуждала с мужем бытовые проблемы, говорила о детях, но стоило ему попытаться поговорить об их отношениях, как она словно захлопывала створки раковины, и тут же бралась за домашние дела.

Да и Яна вовсе не собиралась выпускать его из своих коготков. Ей уже было не до флирта, не до игр, она сражалась за свою любовь, всеми силами стараясь удержать чувство Миши. И он, пометавшись, побарахтавшись, смирился, решил оставить все как есть.

Прошла еще пара месяцев. Городок, окрестные сопки покрылись белым снежным одеялом. Днем под ногами и колесами снег подтаивал, превращаясь в мокрую кашу, а за ночь все подмерзало, покрываясь ледяной коркой. Бежать по ней ранним утром, в темноте, с двумя малышами стало трудно, приходилось выходить еще раньше, чтобы не опоздать на автобус. Дважды пришлось добираться на попутке. Но Анна

не собиралась сдаваться.

Как-то утром Марина Владимировна пригласила ее в свой кабинет. Как раз накануне Аня немного опоздала на работу и была готова получить нагоняй. Но речь пошла о другом.

– Скажите, Анна, вы так и собираетесь всю жизнь работать няней? Эта работа не для вас.

– Вы считаете, что я не справляюсь? Я что-то делаю не так?

– Нет, прекрасно справляетесь. Я имею в виду другое: вам нужно продолжить образование, получить настоящую специальность. У вас явно есть педагогические способности, я же вижу, как к вам дети тянутся.

– Восстанавливаться в институте? Я все забыла, не потяну... Мне нужно работать, детей поднимать.

– Вот именно, детей поднимать! Это на зарплату нянечки вы собираетесь их растить?! Анна, я вот что хочу вам сказать: в нашем городе на базе областного педагогического открываются вечерние ускоренные курсы дошкольного воспитания. Девять месяцев учебы, и получите диплом. Римма Захаровна через полгода собирается на пенсию, переведу вас на ее ставку.

– Но как я буду успевать? Как быть с детьми?

– Все решаемо, было бы желание. Там набирают две группы. Одна занимается с трех до шести, другая с семи до десяти. Я думаю, вам подойдет первая. Откажетесь от полставки в яслях, с заведующей я договорюсь, чтобы ребенка не от-

числили. Здесь поставлю вас только в первые смены, так что все прекрасно успеете.

– Я согласна. Спасибо вам огромное!

– Но учтите, придется вечерами сидеть за учебниками, будет много самостоятельных заданий. Справитесь?

– Постараюсь.

– Ну, тогда выписываю вам путевку, собирайтесь и бегите прямо сейчас.

С этого дня Анне стало совсем не до переживаний. Вечерами, уложив детей спать, она садилась за учебники, рисовала, клеила методические пособия. Она похудела, научилась спать стоя в автобусе. От хронического недосыпания порой кружилась голова. Но она упорно шла к своей цели, к собственной независимости и защищенности.

Михаил со страхом смотрел на жену. У него было ощущение, словно под мягкой шкуркой пушистой игрушки вдруг обнаружился стальной каркас. Куда делась милая, нежная и трогательная Анечка Смирнова? Раньше она ловила каждое его слово, теперь едва замечала. Прежде в доме ничего не происходило и не решалось без его ведома и одобрения, теперь его мнения никто не спрашивал, он потерял контроль над ситуацией. Неужели он сам, своими руками сотворил это с ней и с собой? Михаил бежал из своего холодного дома к Яне, но та все больше раздражала его своим эгоизмом, требованиями, капризами. Для него в ней не осталось больше ничего таинственного, манящего и фееричного.

Яну пугала и обижала раздражительность любимого. Чем больше она старалась завоевать его любовь, тем меньше ее оставалось. Но девушка тоже не собиралась отступать. Она стала искать причину его охлаждения и, как ей показалось, нашла.

Как-то капитан по делам оказался в Иркутске, решил пообедать в кафе. Меню ему принесла молоденькая задорная девушка с короткой стрижкой. Не красавица, но была в ней такая беззаботность юности, открытость, что Михаилу захотелось поболтать с ней. Благо, посетителей в этот час было немного. В зал вышел администратор, и девушка тут же упорхнула как птичка. А в его ушах все еще звенел колокольчиками ее смех.

Павлюченко стал при случае заглядывать в это кафе и вскоре узнал, что девушку зовут Лилечка, ей девятнадцать лет, и она студентка, а в кафе подрабатывает в свободное время. Михаил не строил никаких планов, он просто забывал о своих проблемах, отдыхал душой рядом с этой хохотушкой. Он выпросил ее телефончик, и даже как-то позвонил, но напоролся на Лилечкину маму. А та учинила допрос: кто он, зачем ему нужна Лиля, что ей передать. Больше он звонить не рискнул. Однажды, весенним вечером Михаил проводил девушку после смены до дома. Дорогой он выяснил, что у Лилечки есть парень, а капитан в ее глазах всего лишь постоянный посетитель, милый, симпатичный дядечка, с которым приятно поболтать.

После той прогулки капитан перестал наведываться в знакомое кафе. Но в начале лета он вновь оказался там. К его удивлению, увидев его, Лилечка быстро скрылась в подсобке. К столику подошла другая официантка. Михаил попросил пригласить Лилю.

– Она... заболела... не может вас обслужить. Я приму ваш заказ.

Капитан упорно сидел, пока Лиля не вышла из подсобки.

– Что случилось, чем я провинился перед вашей светлостью? – начал он шутливо. Но вскоре ему стало не до шуток. Девушка рассказала, что на днях ей позвонила женщина, представилась женой Михаила и устроила скандал. Эта женщина заявила, что у них с Мишей двое детей, и она никому не позволит вмешиваться в их семью. Весь разговор слышала мама, ее потом пришлось корвалолом отпаивать.

– Пожалуйста, никогда больше не приходите и не звоните мне, – в голосе девушки звенели обида и возмущение.

Михаил растерялся. Анята? Позвонила и устроила скандал? Этого просто не могло быть! Жена, которая никогда не рылась в его карманах, никогда его не выслеживала, не устраивала никаких разборок даже с Яной... И тут его осенило: Яна! Только она могла позвонить от имени его жены и устроить такое. Значит, она шпионит за ним, роется в карманах, лезет в его дела? Это было уже слишком! У Михаила разом испарились остатки добрых чувств к ней, в душе закипела злость.

«Волга» неслась по шоссе, Михаил, кипя от гнева, давил и давил на акселератор. На спуске с холма дорога делала крутой поворот, занятый своими мыслями капитан поздно спохватился. Машина вылетела на встречу. Вцепившись в руль, он едва увернулся от грузовика, вернулся на свою полосу, прижался к обочине и остановился. Вышел из машины, присел на траву. Роняя трясущимися руками сигареты, закурил. Он долго сидел, привалившись к теплому боку машины, приходил в себя.

К цветочному магазину Павлюченко подъехал в мрачном, но относительно спокойном состоянии. Завидев знакомую машину, Яна выпорхнула из магазина и в самом радужном настроении опустилась на переднее сидение.

– У меня для тебя новость! Да какая!

– У меня для тебя тоже. Но давай сначала ты.

– Знаешь, кто сегодня приходил? Анна! Да, да, твоя Анна. И знаешь зачем? Сказала, что давно знает о наших отношениях, и согласна дать тебе развод. Она отпускает тебя, понимаешь?!

У Михаила вылетели из головы все приготовленные фразы. Он потрясенно смотрел на девушку.

– Остаются только обычные формальности, и уже этим летом мы сможем расписаться! – не замечая его настроения, щебетала Яна.

– Ишь, как ты лихо все за всех решила. И ты думаешь, я женюсь на девушке, которая шарит по моим карманам, лезет

в мои дела, скандалит с моими друзьями? Ни-ко-гда!

Яна словно на стенку на бегу налетела.

– Ты зачем звонила Лиле? Где взяла ее телефон? Ты что ей наплела? – капитан снова вышел из себя.

– Я не звонила. Это не я! – и спохватилась: – Какой еще Лиле?

Но по ее реакции, по забегавшим глазам, Михаил понял, что это дело рук Яны.

– Так вот, дорогая. Я, конечно, кругом виноват, перед всеми. Сам запутался, измучился, вас всех измучил. Дурак! Ой, какой дурак! – Михаил обхватил голову руками, – Но ведь кроме меня, тебя, Анюты есть еще дети. Они-то чем виноваты?! Янка, ты молодая, красивая, у тебя все в жизни будет хорошо и без меня. Даже лучше, чем со мной. Прости меня и забудь. Оставив растерянную девушку на тротуаре, капитан уехал.

Вечером дома его ждал еще один сюрприз. Жена встретила его за празднично накрытым столом. На ней было его любимое платье в синюю полосочку, с белым матросским воротником. Распущенные волосы каштановой волной окутывали плечи.

– Ого! Что празднуем? – деланно бодрым тоном спросил Михаил, лихорадочно вспоминая, о какой торжествен-

ной дате он забыл. День рождения Аниуты? Нет, до него еще далеко. Дни рождения детей? Нет. День свадьбы? Боже, три недели назад исполнилось – сколько же? – ах, да! – семь лет со дня их свадьбы. Он же начисто забыл!

– Мы будем отмечать годовщину нашей свадьбы?

– Нет, дорогой. Первый день свободы. Твоей и моей. Это хорошо, что ты сегодня пришел домой, и мне не придется праздновать в одиночестве.

Анна выложила перед ним свой диплом, еще пахнущий типографской краской и клеем. В графе «специальность» выведено: «педагог дошкольного образования».

– Сегодня получила, можешь меня поздравить. С понедельника выхожу на работу уже не нянечкой, а воспитателем. Так что теперь я с детьми не пропаду, ты можешь быть свободен. Можешь устраивать свою жизнь заново, я больше не буду вам мешать.

Анна поставила перед мужем тарелку с дымящимися пельменями, пододвинула блюдо с салатом и бутылку вина.

– Что значит «заново»? Я уже устроил свою жизнь семь лет назад. Менять ничего не собираюсь.

– Хватит врать. Я устала от этого театра. Ты, кажется, обещал Яне в подарок на день рождения свидетельство о разводе? Ты можешь успеть, я препятствовать не буду. Только прошу, уходи жить к ней, оставь нас с детьми в этой квартире, нам некуда ехать. Я не могу больше ждать тебя ночами, прислушиваясь к шагам на лестнице, видеть твои бегающие

глаза, отстирывать помаду с рубашек. Всё, так всё. Женишься, тебе дадут другую квартиру.

Михаил отодвинул бокал с вином.

– У нас водка найдется? Налей мне лучше водки.

Анна молча встала, достала из холодильника начатую бутылку, поставила перед ним.

– Ты так говоришь.... А о детях ты подумала? Как они переживут развод? Как будут жить без отца?

– Знаешь, дети уже привыкли обходиться без папы. Полтора года, как они тебя почти не видят. Думаю, в их жизни мало что изменится. И потом, Миша, ты же можешь с ними видаться и общаться когда захочешь, я мешать не буду. Просто я с тобой жить больше не могу, мучительно все это.

Анна вышла из кухни и через минуту вернулась с чемоданом.

– Вот, здесь самое необходимое на первое время. Потом обоснуешься, забереешь все остальное, что считаешь нужным. А сейчас, прошу, уходи.

Михаил с грохотом отодвинул стул и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Аня опустилась на чемодан, слезы закапали на клеенчатую обивку.

Капитан мчался по темной дороге, вцепившись в руль так, что пальцы побелели. Постепенно езда, негромкая музыка немного успокоили его, привели мысли в относительный порядок. Он повернул обратно. Час был довольно поздний, и народу в городке гуляло немного. Павлюченко заме-

тил свет в окне приятеля, капитана Иванихина, вспомнил, что у того жена уехала навестить родителей, и свернул в его подъезд.

Петр открыл дверь в майке и трико с вытянутыми коленками.

– Ты один? Можно к тебе?

– Заходи, сейчас что-нибудь сообразим. Чё случилось-то?

До глубокой ночи они пили, курили, съели кастрюльку котлет, наготовленных женой Иванихина на неделю. Говорили о женщинах вообще и о женах в частности.

– Понимаешь, оказалось, что мне другие интересны, и вообще, жизнь интересна, только когда я знаю, что у меня Анька есть, что она дома меня ждет. А без нее ничё не надо, ничё не радует...

– Да, у меня жена уехала, казалось бы, вот она, свобода! Иди, куда хочешь, делай, чё хочешь, приводи, кого хочешь. А я сижу вечерами перед телеком, и жду, когда она вернется.... А может, рванем в город, в ресторан? А? Одному-то неохота, а вдвоем можно.

– Ну да, а за руль кто? Бутылку уговорили... И вообще, я пас, нагулялся уже, не знаю, как выкарабкаться теперь. Ой, дурак я, ой дурак! Ты скажи, чё делать-то теперь?

Под утро капитан, с трудом поднявшись по «непослушной» лестнице на свой пятый этаж, жал на кнопку звонка, пока дверь не открыла испуганная Аня.

– Ань, я пришел. Не гони меня, я тебя люблю. Ну, не смогу

я без вас! Прости, я больше так не буду, – сказал он совсем по-детски и заплакал.

Эпилог

Рейсовый автобус, последний на сегодня, не спеша катил по мокрой дороге из Иркутска в райцентр, водитель напряженно вглядывался в темноту.

Яна, теперь уже не молодая, но все еще яркая, красивая, несмотря на полноту, ехала в полупустом автобусе, глядя в темное окно на бегущие по стеклу капли нескончаемого дождя. Сегодняшняя неожиданная встреча в Иркутске всколыхнула память, словно горький осадок поднялся со дна ее души. Вспомнилось то, что вспоминать совсем не хотелось. До дому добралась уже совсем поздно. Свернула в знакомый с детства двор, увидела темные окна своей квартиры. Зайдя домой, первым делом освободилась от тяжелой сумки, мокрого плаща, включила везде свет, телевизор. На дверце холодильника магнитом была прикреплена записка: «Подвернулась шабашка, ушел в рейс дня на три. Целую». Рядом вторая: «Ма, я у Кати, ужинай без меня».

Яна положила на стол обе записки, достала из холодильника бутылку водки, налила рюмку. Взяла в руки первую записку.

– В рейс на три дня. Интересно, куда это, уж не к Наташке ли опять, в соседний квартал?

Скомкала и выкинула листок в мусорное ведро. Взясась за сотовый, набрала знакомый номер. Трубку долго не брали. Наконец услышала родной голос:

– Привет, ма, уже вернулась? У тебя все нормально? – в трубке слышались музыка, голоса, смех.

– Да, все в порядке, промокла только. Ксюша, ты когда домой собираешься? Поздно уже.

– Мам, ложись спать, не жди меня, завтра вернусь.

– Что еще за фокусы? Давай домой немедленно!

– Я не маленькая, когда вернусь, тогда вернусь!

Телефон отключился. Яна набирала номер снова и снова, но трубку больше не брали.

Она залпом выпила водку, скомкала и второй листок, выкинула в ведро. Открыла холодильник. Готовить ужин смысла и желания не было. Яна сделала себе бутерброд, чай и села перед телевизором, сделав звук погромче, чтобы заглушить непрошенные мысли.

А в это же время, в Иркутске, звонок городского телефона отвлек Анну от воспоминаний.

– Mamочка, это ты? Как вы добрались? Как там Никита с Наташей?

– Да все хорошо, дочка. Долетели. Устали, конечно, промокли, пока из аэропорта добирались.

– Вы извините, встретить вас не смогли, у Дашуни зубки режутся, температурит немного, капризничает. Вы с папой

завтра приезжайте к нам, все расскажете, как там у Никиты.

Поговорив с Ириной еще несколько минут, Анна вошла в спальню. Михаил спал полулежа перед включенным телевизором. Анна тихонько сняла с мужа сползшие очки, убрала из рук газету, поправила одеяло, погасила настольную лампу, телевизор и тоже легла.

Часы на комоде тихонько щелкнули, сменив дату. Нелёгкий день остался в прошлом, начался отсчет нового дня.

Пусть я с Вами совсем не знаком...

Февраль в том послевоенном году выдался на редкость холодный и снежный. Южный город, обычно шумный и многолюдный, притих, укутанный метелью. Замерзшие горожане торопились по домам. Было около восьми часов вечера, но переулок уже опустел. Дворники не успевали расчищать дороги, и транспорт по заснеженным улицам ходил плохо. Порывы ветра раскачивали фонарь на столбе рядом с трамвайной остановкой. Пятно света выхватывало то угол закрытого табачного киоска и закутанную в шаль женскую фигуру, то дерево с жалобно заломленными ветвями и высокого военного в длинной шинели. Его низко надвинутая шапка-ушанка была завязана под подбородком, лица почти не было видно. Обе продрогшие фигуры топтались на остановке довольно долго, вглядываясь в ближний перекресток в надежде увидеть свет трамвая.

Валентина совсем продрогла в стареньком пальто, слишком легком для такой погоды, даже шаль не спасала. Настроение у девушки было хуже некуда. Ее первый рабочий день после окончания бухгалтерских курсов не задался с самого утра. Редкие трамваи шли переполненными, и Валентине удалось влезть только в третий по счету, поэтому на работу она опоздала. Контора, куда ее распределили, занимала старое двухэтажное здание. Обшарпанные стены, скрипу-

чие, давно некрашенные полы подействовали на Валентину угнетающе. Бухгалтерия располагалась в тесной, заставленной письменными столами неудобной комнате. Вдоль стен тянулись разномастные шкафы, забитые папками и кипами бумаг. Два голых окна с парой чахлах цветочков, в дальнем углу на тумбочке электроплитка с чайником и несколько чашек. Валя подумала, что здесь ей предстоит находиться ежедневно, неделя за неделей, месяц за месяцем. На душе стало тоскливо.

Четыре пожилых женщины, обложившись толстыми папками и ведомостями, проворно щелкали костяшками счет. Вале, в ее девятнадцать лет, все женщины старше тридцати казались старушками. К новому человеку никто особого интереса не проявил, за исключением главбуха. Та была похожа на завуча школы, которую Валентина окончила полтора года назад.

– Это вы к нам по распределению? Что же вы опаздываете, милочка? У нас так не принято.

Она не стала слушать Валины оправдания, перебила ее:

– Еще одно опоздание, и будете иметь крупные неприятности. Мы все ездим городским транспортом. Выходите с запасом времени. Давайте сюда ваши документы. Ваше рабочее место будет вон там, – начальница указала карандашом на выдавший виды письменный стол около окна.

– Мариванна, отдаю новенькую вам в помощь, введите ее в курс дела.

К вечеру у Валентины голова шла кругом от цифр. К тому же в окно немилосердно дуло, и, как ни куталась она в шаль, к концу дня совсем озябла. Ксения Петровна – так звали главбуха – положила Вале на стол два рулончика чековой ленты для кассового аппарата и обмылок.

– Вот, задержись сегодня после работы, заклей окно, а то простынешь тут запросто, – сказала она неожиданно мягко.

Никакого призвания к работе бухгалтера у Вали не было. Она любила красивые вещи, ей нравилось что-то мастерить своими руками, но семья их жила трудно, возможностей для творчества было немного. Разве что перелицевать что-нибудь, скомбинировать из двух старых вещей одну новую, это у нее тоже получалось неплохо. Мама Вали была убеждена, что наряды – дело несерьезное, а лучшая профессия для старшей дочери – бухгалтер.

– Работа чистая, в тепле, при деньгах опять же. Тяжести таскать не придется. Уважать все будут, по имени-отчеству величать. Глядишь, большим начальником станешь. И сестру в люди вывести мне поможешь.

Несмотря на то, что характер у Валентины был по-юношески ершистый, в вопросе выбора профессии она мать послушалась. Да и как было не послушаться – собственного жизненного опыта пока не нажила. Хотелось помочь матери, овдовевшей еще в сорок первом, пережившей оккупацию, в одиночку поднимавшей их с сестренкой в это тяжелое время.

И вот теперь голодная и уставшая Валя приплясывала от холода на продуваемой ветром остановке в ожидании трамвая. Чем дольше она ждала, тем сильнее злилась на весь белый свет.

– Не хочу я больше идти в эту проклятую контору! Не хочу целыми днями щелкать на счетах среди этих скучных старух! Я там сама в старуху за год превращусь, – тихонько бормотала она себе под нос.

– Вот бы замуж выйти! Чтобы больше никогда не пришлось ходить на работу, – мечтала она.

А трамвая все не было. Военный, стоявший на другом конце остановки, повернулся и, придерживая распахиваемые ветром полы шинели, пошел было прочь, но вернулся.

– Женщина, зря мы здесь с вами стоим. Видимо, пути снегом занесло, не будет сегодня трамвая. Пойдемте вместе на Садовую, там автобусы еще ходят. Что вы тут одна останетесь, на ночь глядя? Район здесь не самый безопасный, еще обидит кто.

Валя поколебалась немного, потом кивнула:

– Пойдемте, – и они зашагали рядом по пустынным улицам.

На Садовой и вправду было гораздо оживленнее: горели фонари, шли люди, в снежной круговерти бесшумно проезжали машины, освещая улицу фарами, светились витрины магазинов.

– Давайте зайдем погреться на минутку, пока не закры-

ли, – попутчик кивнул на дверь булочной. Валю уговаривать не пришлось, она юркнула в спасительное, пахнущее хлебом, тепло.

Магазинчик был небольшой. Кассирша за стеклом своей будки подсчитывала выручку. Продавщица в белом халате и кружевной туго накрахмаленной наколке на голове убирала с полки остатки товара.

– Покупать что-нибудь будете, молодые люди? А то мы через десять минут закрываемся.

– Да мы согреться на минутку зашли. Хотя... – военный порылся в кармане, вытащил монетки, – баранки еще остались?

Потом они, расположившись около батареи, с аппетитом уплетали баранку, разломив ее пополам. Валя развязала и положила сушиться на батарею шаль, попутчик снял шапку, опустил воротник шинели.

– Вас как зовут? – он разглядывал спутницу, оказавшуюся юной симпатичной девушкой, круглолицей, сероглазой со светлыми задорными кудряшками над упрямым лбом.

– Валя. А вас? – она немного смутилась, обнаружив, что вместо дяденьки офицера перед ней стоит чернобровый статный красавец-курсант.

– Василий. Будем знакомы.

– Все, молодежь, выходим, магазин закрывается.

Ждать автобус пришлось довольно долго, но теперь время для новых знакомых летело вскачь. И даже метель, казалось,

поутихла. Во всяком случае, они ее перестали замечать. Они болтали о том о сем, шутили, смеялись. Наконец подошел автобус. Выяснив, что от автобусной остановки до дома Валентины далеко, Василий вызвался проводить девушку. Пока ехали на другой конец города, потом шли, успели много друг другу рассказать. Валя описала свой первый рабочий день, изобразила в лицах начальницу и всех коллег. Василий же объяснил, что заканчивает военное училище. Рассказал, как мальчишкой, когда семья получила похоронку на отца, мечтал попасть на фронт, бить врага, даже сбежал из дома, но далеко убежать не удалось, сняли с поезда. Как ходил в военкомат с просьбой отправить его на фронт, а вместо фронта его направили в военное училище. Война закончилась, а бить фашистов ему так и не довелось. По распределению он должен был ехать в южную группу войск, за границу, и документы на него почти оформлены, но туда направляют только женатых. До конца этой недели он должен принести свидетельство о браке, а у него свадьба расстроилась. Любимая девушка, с которой встречался целых два года, выходит замуж за другого. И вот теперь он не знает, что его ждет, куда судьба забросит. Вспомнив кареглазую красавицу Аллу, их последнее свидание, ее неожиданную холодность, свою растерянность, когда она сообщила, что выходит замуж и уезжает с мужем в Москву, Василий примолк. Боль, обида еще не улеглись в его душе.

Февраль в том послевоенном году выдался на редкость хо-

лодный и снежный. Южный город, обычно шумный и многолюдный, притих, укутанный метелью. Замерзшие горожане торопились по домам. Было около восьми часов вечера, но переулочек уже опустел. Дворники не успевали расчищать дороги, и транспорт по заснеженным улицам ходил плохо. Порывы ветра раскачивали фонарь на столбе рядом с трамвайной остановкой. Пятно света выхватывало то угол закрытого табачного киоска и закутанную в шаль женскую фигуру, то дерево с жалобно заломленными ветвями и высокого военного в длинной шинели. Его низко надвинутая шапка-ушанка была завязана под подбородком, лица почти не было видно. Обе продрогшие фигуры топтались на остановке довольно долго, вглядываясь в ближний перекресток в надежде увидеть свет трамвая.

Валентина совсем продрогла в стареньком пальто, слишком легком для такой погоды, даже шаль не спасала. Настроение у девушки было хуже некуда. Ее первый рабочий день после окончания бухгалтерских курсов не задался с самого утра. Редкие трамваи шли переполненными, и Валентине удалось влезть только в третий по счету, поэтому на работу она опоздала. Контора, куда ее распределили, занимала старое двухэтажное здание. Обшарпанные стены, скрипучие, давно некрашенные полы подействовали на Валентину угнетающе. Бухгалтерия располагалась в тесной, заставленной письменными столами неудобной комнате. Вдоль стен тянулись разномастные шкафы, забитые папками и кипами бу-

маг. Два голых окна с парой чахлах цветочков, в дальнем углу на тумбочке электроплитка с чайником и несколько чашек. Валя подумала, что здесь ей предстоит находиться ежедневно, неделя за неделей, месяц за месяцем. На душе стало тоскливо.

Четыре пожилых женщины, обложившись толстыми папками и ведомостями, проворно щелкали костяшками счет. Вале, в ее девятнадцать лет, все женщины старше тридцати казались старушками. К новому человеку никто особого интереса не проявил, за исключением главбуха. Та была похожа на завуча школы, которую Валентина окончила полтора года назад.

– Это вы к нам по распределению? Что же вы опаздываете, милочка? У нас так не принято.

Она не стала слушать Валины оправдания, перебила ее:

– Еще одно опоздание, и будете иметь крупные неприятности. Мы все ездим городским транспортом. Выходите с запасом времени. Давайте сюда ваши документы. Ваше рабочее место будет вон там, – начальница указала карандашом на выдавший виды письменный стол около окна.

– Мариванна, отдаю новенькую вам в помощь, введите ее в курс дела.

К вечеру у Валентины голова шла кругом от цифр. К тому же в окно немилосердно дуло, и, как ни куталась она в шаль, к концу дня совсем озябла. Ксения Петровна – так звали главбуха – положила Вале на стол два рулончика чеко-

вой ленты для кассового аппарата и обмылок.

– Вот, задержись сегодня после работы, заклей окно, а то простынешь тут запросто, – сказала она неожиданно мягко.

Никакого призвания к работе бухгалтера у Вали не было. Она любила красивые вещи, ей нравилось что-то мастерить своими руками, но семья их жила трудно, возможностей для творчества было немного. Разве что перелицевать что-нибудь, скомбинировать из двух старых вещей одну новую, это у нее тоже получалось неплохо. Мама Вали была убеждена, что наряды – дело несерьезное, а лучшая профессия для старшей дочери – бухгалтер.

– Работа чистая, в тепле, при деньгах опять же. Тяжести таскать не придется. Уважать все будут, по имени-отчеству величать. Глядишь, большим начальником станешь. И сестру в люди вывести мне поможешь.

Несмотря на то, что характер у Валентины был по-юношески ершистый, в вопросе выбора профессии она мать послушалась. Да и как было не послушаться – собственного жизненного опыта пока не нажила. Хотелось помочь матери, овдовевшей еще в сорок первом, пережившей оккупацию, в одиночку поднимавшей их с сестренкой в это тяжелое время.

И вот теперь голодная и уставшая Валя приплясывала от холода на продуваемой ветром остановке в ожидании трамвая. Чем дольше она ждала, тем сильнее злилась на весь белый свет.

– Не хочу я больше идти в эту проклятую контору! Не хочу целыми днями щелкать на счетах среди этих скучных старух! Я там сама в старуху за год превращусь, – тихонько бормотала она себе под нос.

– Вот бы замуж выйти! Чтобы больше никогда не пришлось ходить на работу, – мечтала она.

А трамвая все не было. Военный, стоявший на другом конце остановки, повернулся и, придерживая распахиваемые ветром полы шинели, пошел было прочь, но вернулся.

– Женщина, зря мы здесь с вами стоим. Видимо, пути снегом занесло, не будет сегодня трамвая. Пойдемте вместе на Садовую, там автобусы еще ходят. Что вы тут одна останетесь, на ночь глядя? Район здесь не самый безопасный, еще обидит кто.

Валя поколебалась немного, потом кивнула:

– Пойдемте, – и они зашагали рядом по пустынным улицам.

На Садовой и вправду было гораздо оживленнее: горели фонари, шли люди, в снежной круговерти бесшумно проезжали машины, освещая улицу фарами, светились витрины магазинов.

– Давайте зайдём погреться на минутку, пока не закрыли, – попутчик кивнул на дверь булочной. Валю уговаривать не пришлось, она юркнула в спасительное, пахнущее хлебом, тепло.

Магазинчик был небольшой. Кассирша за стеклом своей

будки подсчитывала выручку. Продавщица в белом халате и кружевной туго накрахмаленной наколке на голове убирала с полки остатки товара.

– Покупать что-нибудь будете, молодые люди? А то мы через десять минут закрываемся.

– Да мы согреться на минутку зашли. Хотя... – военный порылся в кармане, вытащил монетки, – баранки еще остались?

Потом они, расположившись около батареи, с аппетитом уплетали баранку, разломив ее пополам. Валя развязала и положила сушиться на батарею шаль, попутчик снял шапку, опустил воротник шинели.

– Вас как зовут? – он разглядывал спутницу, оказавшуюся юной симпатичной девушкой, круглолицей, сероглазой со светлыми задорными кудряшками над упрямым лбом.

– Валя. А вас? – она немного смутилась, обнаружив, что вместо дяденьки офицера перед ней стоит чернобровый статный красавец-курсант.

– Василий. Будем знакомы.

– Все, молодежь, выходим, магазин закрывается.

Ждать автобус пришлось довольно долго, но теперь время для новых знакомых летело вскачь. И даже метель, казалось, поутихла. Во всяком случае, они ее перестали замечать. Они болтали о том о сем, шутили, смеялись. Наконец подошел автобус. Выяснив, что от автобусной остановки до дома Валентины далеко, Василий вызвался проводить девушку. По-

ка ехали на другой конец города, потом шли, успели много друг другу рассказать. Валя описала свой первый рабочий день, изобразила в лицах начальницу и всех коллег. Василий же объяснил, что заканчивает военное училище. Рассказал, как мальчишкой, когда семья получила похоронку на отца, мечтал попасть на фронт, бить врага, даже сбегал из дома, но далеко убежать не удалось, сняли с поезда. Как ходил в военкомат с просьбой отправить его на фронт, а вместо фронта его направили в военное училище. Война закончилась, а бить фашистов ему так и не довелось. По распределению он должен был ехать в южную группу войск, за границу, и документы на него почти оформлены, но туда направляют только женатых. До конца этой недели он должен принести свидетельство о браке, а у него свадьба расстроилась. Любимая девушка, с которой встречался целых два года, выходит замуж за другого. И вот теперь он не знает, что его ждет, куда судьба забросит. Вспомнив кареглазую красавицу Аллу, их последнее свидание, ее неожиданную холодность, свою растерянность, когда она сообщила, что выходит замуж и уезжает с мужем в Москву, Василий примолк. Боль, обида еще не улеглись в его душе.

Так, молча, молодые люди дошли до Валиного дома.

– Ну вот, пора прощаться. Завтра рано вставать, ехать в эту чертову контору. Да и вам, Василий, далеко добираться. Спасибо, что проводили.

– Доберусь, не проблема.... Вечер неожиданно получился

приятным. Вы милая девушка, будьте счастливы.

Валя протянула руку, Василий пожал ее, но не отпустил, задержал в своей руке.

– Валюша, а знаете что? Выходите за меня замуж. Вы хорошая девушка, я тоже парень неплохой. Вам не придется больше сидеть в ненавистной конторе, и у меня проблемы с распределением не будет. А что? Завтра же пойдем в ЗАГС, а через неделю уедем в Москву, потом в Европу, и – здравствуй новая жизнь! Я не шучу! Согласны?

Валя ошарашено смотрела на нового знакомого и молчала.

– Ну да, конечно... мы едва знакомы... нелепо, я понимаю... Прощайте...

Василий отпустил ее руку, повернулся и зашагал прочь.

– Я согласна, – раздалось у него за спиной.

Весь вечер и все следующее утро Валя не решалась сказать маме и сестре о своих планах. Да и сама, сказать по совести, не очень верила, что такое неожиданное предложение было сделано новым знакомым всерьез.

– Может, он и не придет больше никогда, – думала она. Кое-как отработала она еще день в бухгалтерии, получив несколько замечаний за невнимательность. Вечером, подходя к дому, издали заметила высокую фигуру, топтавшуюся возле подъезда, и на душе сразу стало радостно и тревожно.

– Вот, знакомьтесь, это Василий, мы решили пожениться, – выпалила Валя с порога комнатки, которую занима-

ла ее небольшая семья. Мама поначалу восприняла новость вполне доброжелательно. В послевоенные годы выйти замуж было большой удачей, слишком много ребят и мужчин полегло на полях сражений. А тут еще военный! Какая мать не порадуется счастью своей дочери? Она захлопотала, собирая на стол. Но когда узнала, что знакомы они всего один день, что жених собирается буквально через несколько дней увезти ее дочь не только из родного города, но даже из страны, причем сам толком не может сказать куда, схватилась за сердце и подняла шум. Сестра выразительно покрутила пальцем у виска и помчалась на кухню за водой для матери. Василия женский крик и слезы напугали больше, чем артобстрел, и его как ветром сдуло из квартиры. Мать успокоилась только после того, как Валя пообещала, что никуда не поедет. Улучив момент, она тихонько выскользнула из дома, накинув только шаль.

Сначала ей показалось, что во дворе никого нет, но тут же она заметила в тени дома высокую фигуру.

– Ну, как там, сильно тебе влетело?

– Да ничего, пошумела и успокоилась. Ты на нее не обижайся. Ей эта новость как снег на голову.

– Да я не обижаюсь. Что делать-то будем?

– Завтра утром мама уйдет на работу, сестра в школу, я тоже сделаю вид, что иду на работу. Встретимся около ЗАГСа. Все, я побежала, пока не хватились. До завтра.

Валентина исчезла в подъезде так же быстро и бесшумно,

как появилась минуту назад.

– Решительная, однако, девушка, – почесал затылок Василий, – настоящая боевая подруга...

Спустя десять дней Василий и Валентина стояли в тамбуре купейного вагона московского поезда и смотрели на уплывающий назад перрон родного города. Валя махала платочком идущим за вагоном маме и сестре, всматривалась в родные заплаканные лица и сердечко ее сжималось от тоски и тревоги. Еще вчера она ссорилась с сестрой из-за чулок и жакета, отмахивалась от маминых советов, а сейчас сознавала, что нет никого ближе и роднее и не представляла, как она теперь будет жить вдали от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.